

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ПТИЦА ГАМАЮН»:

ЦИКЛ «САГА О ЛЕДОРЕЗЕ»

Хозяйка Седых Холмов

Хозяин Седых Холмов

Хранители Седых Холмов

ЛЕОКА ХАБАРОВА

Сага о Ледорезе

ХОЗЯЙКА СЕДЫХ ХОЛМОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X12

Иллюстрация на переплете *Hell Alka*

Хабарова, Леока.

X12 Сага о Ледорезе. Книга 1. Хозяйка Седых Холмов / Леока
Хабарова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-243426-6

Ходит молва, что в Седых Холмах в замке на краю снежной пропасти живет колдунья, чья магия убивает живых и манит мертвых.

Только безумец рискнет прийти во владения Хозяйки и положить конец ее чарам.

Безумец — или тот, кому нечего терять. Кто готов испустить ошибку кровью.

Имя ему — Ледорез.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243426-6

© Хабарова Л., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

И не сомкнуть кольцо седых холмов,
И узок путь по лезвию дождя.
И не найдёшь в морозной мгле следов,
что воин вереска оставил уходя...

Воин вереска. Мельница.

ГЛАВА 1

Господарка Седых Холмов была колдуньей — об этом знали все. И все об этом говорили. Повсюду. Даже здесь, в Предгорье, на забытом богом постоялом дворе с покосившейся коновязью и единственной на всю корчму подавальщицей, полнотелой и медленной, точно тюлениха.

— Слыхали, как она, вороною обернувшись, кропила кровью дома бояричей? — Усатый красноносый приживалец одним махом ополовинил здоровущую кружку медовухи и зычно рыгнул. — А потом сгорели они. Все дотла сгорели!

— Брехня! — отмахнулся сидящий за соседним столом седой старикан. Он неспешно жевал сало, и чесночный дух разносился на милю вокруг. — Ничего она не кропила! Бояричи сами на себя беду накликали — Господарский Рубеж пересекли да земли холмовые себе присвоили. А они прокляты, земли те.

— Как есть, прокляты! — поддакнула подавальщица, добавляя старцу медовухи. — Всяк знает: там и чума, и нечисть всякая по чащобам шарится. В топях кикиморы, на погостах — стриксы, а в реках да озёрах — русалочье племя, будь оно неладно: как затянут песни — хоть вешайся!

— Да не русалки то, а ветер в ущельях воет, глупая ты баба! — усмехнулся рыжеволосый плечистый дровосек. Его приятели уже успели нарезать в хлам и теперь громко храпели кто на лавках, кто под лавками. — В русалок верить — смех один. А то, что господарка по ночам невидимая бродит и в окна заглядывает — правда истинна. Небом клянусь! А свояк мой собственными глазами видел, как она первенцев из люлек вытаскивала и...

— Брехня! — перебил старец, и всё началось сызнова: одна байка краше другой. А огонь тихо и уютно хрустел поленьями...

Ледорез сидел поодаль, почти у самого очага — в ростепель он вымок до нитки и теперь пытался обсохнуть: продолжать путь, когда в сапогах хлупает — не дело. Напитавшийся сыростью плащ он разложил на скамье. Туда же пристроил и ножны.

Про Хозяйку Седых Холмов болтали многое. И чем ближе к Рубежу, тем чуднее становились слухи: и вороною она обрачивается, и волчицею, и ещё невесть кем, заклатьями владеет да заговорами, может человека одним взглядом изничтожить, с нечистью якшается, молодость за счёт жизней загубленных продлевает... Правда это или нет, Ледорез не знал. Но в одном не сомневался: он отыщет Хозяйку. Отыщет и убьёт. И не важно, что никому прежде этого не удавалось: её смерть — его работа. Для этого его наняли и щедро заплатили. Правда, не совсем ему. Точнее — совсем не ему. Ведь он, по сути, всего лишь раб. Хорошо обученный, тренированный, натасканный убивать... но всё-таки раб. Наймит. Живое оружие, которое верно служит хозяину. Не более того.

Ледорез никогда свободы не знал. С младенчества он принадлежал Гильдии и другой жизни не мыслил. Да и к чему, в сущности, наймиту свобода? Кем может стать бывший наёмник? Вилланом? Купцом? Податься в ксендзы, грехи замаливать? Чушь. Такое даже представить смешно.

Наймит всегда останется наймитом, частенько повторял Великий Мастер. Кто жил наёмником, наёмником умрёт. А спорить с Мастером всё равно что в кувшин рыгать — глупо и бессмысленно. И Ледорез не спорил. Просто выполнял приказы. Быстро, чётко, без лишних рассуждений и закавык. Имелась, правда, у него пара слабых мест... но о них Ледорез особо не распространялся. Он вообще не слишком любил говорить.

— Отчего наш гость такой угрюмый? — подавальщица любезно улыбнулась. Ещё бы! За постой и ужин Ледорез дал три серебряка — вдове больше обычной цены. Звонкая монета отлично заменяла красноречие. — Принести ещё баранины?

Он кивнул.

— А мёду?

Снова кивнул. Путь до Предгорья занял три дня. Останок Ледорез не делал и проголодался, что твой троглодит: с лёгкостью сожрал бы мамонта и запил моржовым жиром.

Женщина посмотрела на него с каким-то особым пониманием и, приложив ладонь ко рту, гаркнула так, что стены затряслись:

— Хей, мужёк! Ещё одну порцию дорогому гостю!

Из кухни донёсся лязг, грохот и ругань. Видимо, мужёк принялся за дело. А подавальщица вернула внимание «дорогому гостю».

— Сын занялся твоей кобылой, — сказала она. — Расседлал, накормил, почистил...

Наверное, требовалось сказать «спасибо», однако Ледорез просто бросил на стол пригоршню медяков. Трактирщица тут же сгрэбла их в карман передника и прищурилась.

— Ты ведь наёмник, верно?

Теперь он не удостоил её даже кивком. Отвернулся и хмуро уставился на огонь.

— Не отвечай, и так ясно. Лохмат, как бродяга, но верхом да при оружии... — Она понизила голос. — Мужёк говорит, мечи у вашей братии сплошь из гномьей стали. Правда то?

Подавальщица, видимо, ждала утвердительного ответа. Не дождалась. К беседам нынче Ледорез расположен не был. Впрочем, как и всегда.

Интересно, сколько надо дать денег, чтобы она оставила его в покое?

Спасенье пришло откуда не ждали.

— Эй, жинка! Забирай жратву! — перекрывая гул, храп и гогот, рывкнул хозяин заведения. — Да поживее!

— Бегу! — откликнулась трактирщица и, ухватившись за поясицу, вперевалку двинулась промеж рядов в сторону кухни. Ледорез сообразил, что она вовсе не толстая. Просто на сносях.

Дождаться её возвращения он не стал. Поднялся, схватил плащ и ножны, и, поразмыслив, положил на стол ещё один серебряк. Может, если у трактирщика с женой накопится достаточно монет, им не придётся продавать новорождённого младенца, как когда-то родители продали его, Ледореза...

Еду принесла девочка. Совсем ещё ребёнок, не старше двенадцати. Бедолага замерла на пороге с подносом в руках и округлившимися от испуга глазёнками.

Что, интересно, напугало её больше? Небритая физиономия? Сломанный нос? Косой шрам через всю рожу? Сбившиеся в колтуны лохмы с проседью? А может, всё сразу?

Наверное, всё сразу.

Так или иначе, девчонка не смогла выдавить ни слова. Губы её дрожали. Руки тряслись. Она поставила поднос на пол и убежала.

Вот же глупая.

Ледорез взял еду, закрыл дверь и запер на щеколду. Вряд ли, конечно, кто к нему сунется — не такая здесь публика. А тех, кого действительно стоит опасаться, не остановит ни щеколда, ни дверь... И всё-таки он заперся. В первую очередь потому, что просто хотел остаться один.

Совсем один.

Жаль, что это невозможно...

— Прикажи принести воды. — Тёмная фигура отделилась от тени в углу. — От тебя разит, как от мула.

— Ты мёртв, — буркнул Ледорез, уместив поднос на колченогом стуле рядом с койкой. — Тебе всё равно.

— Так пожалей живых, — усмехнулся призрак, небрежно привалившись плечом к стене.

Он был высок. Почти на полголовы выше самого Ледореза и куда привлекательнее: черноволосый, ладный, белокожий, с озорными карими глазами и без единого шрама на скуластом породистом лице. Девицы, мужние жёны и вдовушки млели от одного его взгляда. Стоило поманить пальцем, и любая прыгала к нему в постель. И дело было не только во внешности: располагать к себе людей — особый дар, которым природа щедро наградила Мária. И он этим даром мастерски пользовался... Пока не умер.

— Исчезни. — Ледорез стянул сапоги и подкинул в очаг пару чурок из поленницы. Хорошо всё-таки, что он не поскупился и снял лучшую, по меркам заведения, комнату: ночевать в общем зале, когда тебе мерещится всякая невидаль — не самый лучший вариант.

— Боюсь, это зависит не от меня, дружище, — повёл плечами призрак и сунулся к подносу. — Что там в кувшине? Мёд? Хороший здесь варят? Говорят, в Предгорьях какой-то особый рецепт...

— Сгинь.

— Заставь меня, и я сгину, — пожал плечами Марий и склонился над медовухой. Мечтательно закрыл глаза. — М-м-м, какой аромат! С пряными травами. Выпей, расслабься. Но сперва вымойся. Уверен, за дополнительный серебрик тебе вмиг организуют лохань с горячей водой. А если заплатишь два, туда ещё и девку голую посадят. Мечта!

— Не нужна мне лохань. — Ледорез уселся на койку и уронил голову на руки. Он смертельно устал, и вовсе не от долгой дороги по заснеженным трактам и горным перевалам. Осознать собственное безумие и принять его — дело непростое. А скрывать душевную болезнь от окружающих ещё сложнее. — И девка голая не нужна. Просто. Оставь. Меня. В покое!

— Не могу.

— Тогда хотя бы заткнись! — Развязав тесёмки, Ледорез стащил через голову засаленную, пропахшую потом рубаху, скомкал и запустил в Мария. Тряпища пролетела сквозь незнамого гостя, как сквозь туман, и упала у самой двери. Вот же...

Всё бесполезно. Совершенно бесполезно.

Марий, прозванный Полумесяцем за принадлежность к младшей ветви князьего рода, всегда считался гордостью Гильдии: непревзойдённый фехтовальщик, в совершенстве владеющий всеми известными техниками, красноречивый говорун, верный товарищ, крепкий на голову собутыльник, отчаянный смельчак, неутомимый наездник... Лучший во всём. На Гильдейском совете Мастер назначил его своим преемником, и все без исключения поддержали это решение. Марий Полумесяц возглавил бы Гильдию, если бы однажды не...

— Прекрати! — рыкнул призрак и сверкнул глазами. — Прекрати, слышишь? Так станет только хуже, сколько раз я тебе говорил! Решил сгноить себя заживо? У тебя, кстати, отлично выходит! Только посмотри на себя. Посмотри-посмотри! На кого ты похож? Грязный, вонючий, лохматый. Зверюга, а не человек! Если б не устал, ты бы и бриться перестал. Одичал бы совсем, как волчара...

Ледорез тихо, но ядрёно выматерился. Однако Марий не отстал.

— Яромир, послушай... — он назвал его по имени. Никто не называл его по имени. Имя — штука опасная. Зная его,

ХОЗЯЙКА СЕДЫХ ХОЛМОВ

колдуны творят над человеком бесовские дела. — Ты должен отпустить прошлое и жить дальше. Понимаешь? Иначе окончательно свихнёшься.

— Я не могу... — прохрипел Ледорез. — Не могу и не хочу. После всего...

— Поэтому и вызвался сразиться с Хозяйкой Холмов?

— Не сразиться. Убить.

— Вряд ли она позволит так просто себя убить. Ты не мог о ней не знать, когда брал заказ. О её колдовской силе мелят на каждом углу.

— Пусть мелят, мне плевать. — Ледорез извлёк из дорожной сумки точильный камень и принялся за дело. Работы предстояло много: клинок, кинжал и небольшие, с ладонь, метательные ножи. Он не вострил арсенал с тех пор, как пустился в дорогу. Непорядок.

Призрак фыркнул:

— Плевать ему, как же! — Он подошёл и уселся рядом. В полумраке сверкнула серебряная лунница, украшенная тонкой филигранью: Полумесяц никогда не расставался с заветным амулетом. — Можешь обманывать кого угодно, хоть самого Великого Мастера, но я... Я тебя насквозь вижу. За головой Хозяйки охотились многие, да только никто не вернулся. Втайне ты надеешься на такой же расклад. Ты идёшь за смертью, Яр. Любой, кто тебя знает, это поймёт.

ГЛАВА 2

Жизнь наймита — собственность Гильдии. Это вдалбливалось, вбивалось, ввинчивалось в башку с самых первых дней, накрепко и жестко. Ты не можешь распоряжаться тем, что

тебе не принадлежит. Не имеешь права лишать себя жизни. Она не твоя, ибо ты — вечный должник.

Не ты платил за кормёжку и одежду, пока учился, не ты заказывал клинки и доспехи у маститых кузнецов, не ты занимал лучших наставников... и не тебе решать свою судьбу.

В Гильдии всё предельно просто: заказчик платит, Мастер отдаёт приказ, наймит выполняет.

Всё.

Наёмники не знают сомнений, мук совести, тревог и страхов. Не ведают любви, не подвержены страстям и привязанностям. Не боятся боли и отступают, только чтобы заново напасть.

Наймит не может лишить себя жизни. Не имеет права, даже если она ему опостылела: убить себя всё равно что украсть у Гильдии, а воровство — грех и позор. Но достойная смерть в бою — совершенно иное. Это дело чести. Закономерный исход, к которому готовят сызмальства, так что...

«Лучше тебе оказаться такой, как о тебе говорят, госпо- дарка», — подумал Ледорез и зевнул, плотнее кутаясь в плащ.

Ложиться в постель он не стал. Накрыв одеялом грудь подушек, а сам, в обнимку с ножнами, полусидя устроился на полу рядом с дверью. Такой подход не единожды выручал: слохнуть по глупости, позволив зарезать себя во сне, мог только круглый идиот.

Марий не исчез, но присмирел. Он слился с тенью в самом тёмном углу, куда не дотягивался неверный подрагивающий свет оплывшего огарка. Ледорез не возражал. Уж лучше при- смиревший Марий, чем тот, другой, невидимый, который жи- вёт во мраке и говорит разными голосами...

За плотно закрытыми ставнями яростно ревел ветер. Ночь обещала быть долгой, тёмной и промозглой. Снизу доносились пьяные разговоры, но слов было не разобрать. Убаюканный мерным гулом, Ледорез провалился в сон.

...Мечи звенят, высекая искры. Лязг такой, что оглохнуть можно. Марий первым вламывается в ворота. Рубит сотворённых направо и налево, а некроманты поднимают из земли новых врагов: костлявых, полусгнивших, с глазами, вывалившимися из глазниц, и вздутыми, покрытыми трупными пятнами животами. Разбуженные покойники ревут, изрыгая запах тухлятины и брызгая слюной. Бить их бесполезно: на одного сражённого мгновенно восстаёт с полдюжины свежих.

— Прорывайся к некрам! — кричит Марий. На изгвазданном кровью, гнилью и гарью лице лихорадочно горят карие глаза. — Я их задержу!

Яромир бросается к башне, прорубая путь сквозь рычащую мертвечину. Рассчитывать на лучников не приходится: стрелы и болты отлетают от невидимого магического щита, как горох от стены. Остаётся только одно: вырезать некромантов одного за другим. Но до них ещё надо добраться...

Лестницу охраняют трое сотворённых. Ожидаемо. Первому Яр с ходу вспарывает грудину, измазав меч в чёрной вязкой субстанции, что заменяет тварям кровь. С двумя другими приходится повозиться: сотворённые — не мертвяки, кое-какая соображалка у них имеется. Нападать гады не торопятся. Кружат, оцетинившись клинками. Один заходит со спины, другой сбоку. Яромир дёргает в сторону, провоцируя атаку. Ныряет под чёрный меч, уходит от удара и бьёт с разворота. Сотворённый, захрипев, падает с рассечённой глоткой. Второй получает кинжал в прореху под латами. Колдовская плоть пузырится и растекается зловонной жижей. Путь вверх открыт.

Облупившиеся ступени крошатся под сапогами, а подъём становится круче с каждым витком. Факелы больше чадят, чем светят, и собственная тень выглядит кошмарным порождением зловещей магии. Бесконечная лестница подозрительно пуста. Где же охрана? Разбуженные, сотворённые — где они все? Неужели некры оставили тылы неприкрытыми? Не может быть такого...